

КНИГИ

БРЕНТА УИКСА

выпущенные издательством
FANZON

- Светоносец -

Черная Призма

Слепящий нож

Око Света

The Blood Mirror

The Burning White

- Хроники Кайлара -

Немезида ночного ангела

BRENT WEEKS

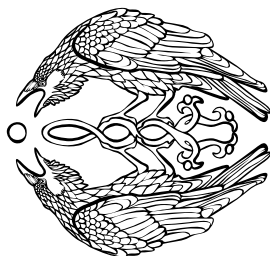

Night
Angel Nemesis

БРЕНТ УИКС

Немезида ночного ангела

FAN|ZON

МОСКВА

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44
УЗ5

Brent Weeks
NIGHT ANGEL NEMESIS

Copyright © 2023 by Brent Weeks

Опубликовано с разрешения автора и его литературных агентов:
Литературное агентство Дональда Маасса (США) при содействии Агентства
Александра Корженевского (Россия)

Перевод с английского *Веры Юрасовой*

Дизайн *Елены Куликовой*

Карта 7Narwen

Уикс, Брент.

УЗ5 Немезида ночного ангела / Брент Уикс ; [перевод с английского В. Юрасовой]. — Москва : Эксмо, 2026. — 1040 с.

ISBN 978-5-04-225084-2

В руки чародеек попадает дневник легендарного убийцы, ночного ангела. Прочесть его может только тот, кому он доверял. Лишь единственная волшебница может узнать, где покоится его тело и могущественный артефакт, питавший силы, которым так жаждут завладеть сестры Часовни. Эта магия может пошатнуть такой хрупкий послевоенный мир в королевстве.

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-225084-2

© В. Юрасова, перевод на русский язык, 2026
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2026

*Посвящается тем, кто ответил на
призыв... и все еще расплачивается за это.*

*А также Кристи, которая до сих пор
удивляет меня своим упорством, смелостью и изяществом.*

Глава 1

НЕВИННОЕ УБИЙСТВО

Он юн и, скорее всего, невинен, и мне жаль, что его это не спасет. Если в ближайшие три минуты мальчишка не сдвинется с места, ему придется умереть.

Большинство людей не понимают сути моей работы; им кажется, что самое тяжелое в ней — это совершить убийство.

Поначалу, наверное, это и правда так — когда вам четырнадцать, вы под кроватью, дышите тяжело и громко, побелевшие пальцы стискивают стальной клинок, глаза жжет от еще не пролившихся слез, а чужие шаги слышатся все ближе.

Но даже тогда неприятностей стоит ждать не от будущих мертвецов; нет, их стоит ждать от живых. Живые никогда не следуют намеченному плану. Живые толкуются рядом, ходят по пятам за теми, кому суждено умереть, ведут себя так, словно, когда *сами* столкнутся со Смертью, то всего лишь поздороваются с ней кивком и пройдут мимо.

Моему первому делу чуть не помешала служанка, жившая в замке; она пришла проводить своего никчемного любовничка, которого меня и отправили убить. Он хотел ее бросить, но вместо этого она ушла следом за ним в вечность. Тогда я впервые убил невинного человека.

А теперь мне мешает этот мальчишка.

Сдалось же ему играть с мячом в столь ранний час. И почему именно *здесь*?

Я смотрю на него сверху вниз, и мне кажется, будто он в тысяче шагов от меня, крошечный, бежит по ту сторону гигантской пропасти жизненного опыта, а я сижу один на вер-

шине скалы... но на самом деле он всего лишь стоит на земле, а я притаился на крыше дома напротив.

Мальчик поставил несколько камней, чтобы обозначить ворота. Я смотрю, как он финтом обходит воображаемого защитника, подталкивает мяч вперед, а затем пинком отправляет его в стену, которая ограждает комплекс усадьбы.

Шмяк, шмяк, бац.

Гол за голом. Мальчик вскидывает руки и изображает ревлюющей толпы. Ему, наверное, лет двенадцать, и в голове у него одна лишь дурь и большие мечты. Возможно, он думает, что нашел способ выбраться из этих трущоб.

~Неужели он кого-то тебе напоминает?~

Я не обращаю внимания на ка'кари, голос которого раздается в моей голове. Он бывает очень полезен, когда сам того хочет, а иначе бы я уже зашвырнул его куда-нибудь подальше, с глаз долой.

Рассвет тлеет, как фитиль, и вскоре солнце озарит горизонт беспощадным взрывом, прольет свет на все, что я успею или не успею содейть. Но я продолжаю ждать, все надеюсь, что найду какой-нибудь третий путь.

Шмяк, шмяк, бац.

Он же совсем еще ребенок.

Который *никак* не желает бросить свою игру.

Неужели я и в самом деле подниму на него руку, даже зная, к чему это может привести?

Да. Да, конечно же подниму. Она того стоит. Они заслуживают справедливости.

Ну все. Утро вот-вот наступит. Время вышло, и для него, и для меня.

Я бесшумно спрыгиваю с крыши в густые тени, которыми окутан переулок.

Шмяк, шмяк, ба...

Возникнув из ниоткуда, я ловлю мяч прямо в воздухе. Лево́й рукой, представляете. Наверное, я упустил свое призвание. Мог бы отлично играть в мяч.

У мальчишки отвисает челюсть, и он, заведя меня, комично тарашит глаза. Я даже испытываю легкий прилив гордости, мол,

смотрите, как меня боятся дети. Интересно, не о таких ли темных радостях предупреждал граф Дрейк, когда говорил о силе и власти? А ведь я даже не потрудился одеться повнушительнее. Этой ночью — точнее, утром — на мне пятнистая черно-серая одежда с капюшоном и маской, которая скрывает лицо. Лук убран, тетива с него снята, а черный короткий меч висит за спиной, в особых ножнах, из которых его можно быстро выхватить.

~Какой любопытный у него мячик.~

Я смотрю на мяч. Он из надутго воздухом желудка козы, покрыт кожей, сшит почти идеально ровно. Обычно детишки из этого района играют кособокими комьями из тряпья и соломы.

— Хочу попросить тебя об одной услуге, малец, — рычу я. — Я пришел не за тобой. Поэтому прошу: уйди. Молча. Пожалуйста. Слышишь меня? Сегодня по округе бродит злой человек, который не погнушается убить и ребенка.

Я ненадолго замолкаю, давая мальчику время подумать, кого я имею в виду: себя или знатного подонка, который живет в усадьбе за стеной.

Пока живет, но я это, возможно, исправлю.

— Это он дал тебе такую игрушку? — спрашиваю я, раскручивая мяч сначала на одном пальце, затем на другом. — Лорд Рефа'им?

Мальчик настолько напуган, что даже не может кивнуть в ответ, но я знаю, что не ошибся. Такими подарками легко купить преданность детей из трущоб.

— Ты — ночной ангел, — сдавленно выдыхает мальчик. — Ты — Кайлар Стерн.

Мяч замедляет свое вращение, замирает, но остается на кончике моего пальца.

Значит, им известно, что я вернулся в город. Лорд Рефа'им знает, что я приду. Теперь понятно, почему в воздухе над стенами его усадьбы вьются магические ловушки, которые мешают мне просто перелезть через преграду. А раз этот мальчишка знает, кто я такой...

— Ты на него работаешь, — говорю я, перекатывая мяч в ладонь. — Вот почему ты пришел сюда в такую рань. Ты — часовой.

~Вот как. Это все усложняет.~

Я рассчитывал, что если покажусь мальчику, то спугну его и смогу пощадить. Но если он часовой, то оставлять его в живых слишком опасно, правда ведь?

Мальчишка сглатывает, но затем бросает быстрый, жадный взгляд на мяч. Он бы уже убежал, но я держу в руках его сокровище, и он не готов от него отказаться. Зато готов лишиться жизни ради дурацкого мяча.

— Скажи, малец, как бы ты назвал невинного человека, который помогает злодеям, пусть даже самую малость? Как бы ты назвал невинного человека, из-за которого гибнут другие невинные люди?

Он не отвечает. И не убегает.

~У меня есть вопрос получше. Как бы *ты* назвал такого невинного, Кайлар?~

«Сейчас? Сейчас я бы назвал его “допустимой потерей”».

Границы дозволенного становятся все более расплывчатыми. Но такая уж у меня работа. Именно поэтому я ненавижу ее почти так же сильно, как люблю.

— Тебе ведь наверняка дали что-то, чем можно поднять тревогу, — говорю я. — На случай, если ты увидишь меня. Какой-нибудь сигнальный огонь, например? Буду с тобой откровенен. Если подашь им сигнал, ты умрешь.

Он бледнеет, но его взгляд снова мимолетом падает на мячик. На его сокровище.

Если мне придется убить этого паренька, то светлых умов в нашем мире меньше не станет.

— Малец, во мне столько силы, что она пугает даже меня. Сила эта так велика, что ей нужны рамки. Я убивал плохих людей, но сам мог бы стать гораздо хуже их. Быть может, уже стал. Но я стараюсь этого не допустить. Стараюсь быть хорошим, понимаешь? Поэтому я сам решил придумать правила. Примерить их на себя. Вот одно из них: «Никто и никогда не должен видеть моего лица, иначе им придется умереть».

Если я позволю ему мирно уйти, мальчик подумает, что я позабыл о нем и полностью отвлекся на усадьбу. Тогда он, наверное, вернется и предупредит их. Но если я заставляю его

сбежать, то смогу обнажить клинок и броситься за ним. Мальчик ведь не знает, сколько я буду его преследовать. Скорее всего, он будет убегать, пока солнце не выйдет в зенит.

Я оттягиваю маску вниз. Спрашиваю:

— Ну, что скажешь?

Он взвизгивает, но остается на месте. Храбрый парнишка. Или же просто тупой.

— Я знаю, каково это, малец, работать на таких людей. Я и сам был на твоём месте. Даже жил здесь. Я вырос неподалеку, в тех закоулках Крольчатника, в сравнении с которыми этот район покажется безобидным. Уличная жизнь почти не дает мальчикам вроде тебя шансов вырваться из нее. Мне это хорошо известно. И меня тошнит от этого. Поэтому я всегда и всем даю шанс. Один. Ровно один. А после выношу окончательный приговор. Сначала я предлагаю помилование, если могу, а затем вершу беспощадный, кровавый суд.

Он не убегает, не принимает спасение, которое я пытаюсь ему предложить. Видимо, мне все же придется бросить в мерзкие, коричневые от нечистот воды реки еще одно тельце.

Или же...

Меня осеняет. Вот он, мой третий путь. Наверное.

Я разворачиваюсь и пинаю мяч в сторону ворот. Промахиваюсь, совсем чуть-чуть. Проклятие. Не дорос я еще до моего учителя. Но все же мячик отскакивает в сторону мальчишки, который судорожно ловит свое сокровище.

Не отворачиваясь от стены и светлеющего неба, я снова натягиваю на лицо маску, чтобы не чувствовать смрада реки и трущоб. Затем негромко спрашиваю:

— Так скажи, что же ты выберешь?

Вместо ответа я слышу лишь шлепки ног, улепетывающих по мостовой. Мальчик сбежал. *Наконец-то.*

Я достаю клинки, рычу и бросаюсь в погоню. Свернув за угол, парнишка — бледный, с выпученными глазами — мельком оглядывается и спотыкается о мусор, разбросанный по всему переулку. Теперь, когда он бежит со всех ног, я убираю оружие, притягиваю к себе тени и бесшумно несусь за ним, подобно ночному кошмару.

У меня есть яд. Такой, что вырубит даже взрослого. Я мог бы усыпить им и мальчишку, уменьшив дозу пропорционально его весу. Но яд может и убить его. Гарантий никаких нет.

В ремесле мокрушника одна ошибка может стоить жизни ребенку. Если вам это не по душе, то такая работа не для вас.

Дважды стремительно свернув за угол, парнишка выбегает на улицу, которая тянется вдоль усадьбы. На миг мне кажется, что он вдруг поумнел и бежит домой. Затем мальчик проскальзывает в щель между обветшалой лавкой и крепкой, ровной стеной усадебного двора. Там, среди гниющих деревяшек и цементной крошки, он исчезает.

В моей груди все сжимается.

Лишь благодаря шороху его штанов, трущихся о землю, я нахожу дыру, в которую он заполз. Лезу за ним.

В туннеле воняет кошатиной и мочой. Здесь гадко, но это хорошо. Если бы туннель был чист, то я бы понял, что его прокопали взрослые, которые за ним следят. И все-таки я ползу медленно. Не потому, что боюсь тесноты. Замкнутые пространства пугают только тогда, когда нагоняют чувство беспомощности, а я в детстве спасался в них от детей постарше. Страх гнетущей темноты меня тоже не пугает. С тех пор как черный ка'кари и я стали одним целым, тьма расступается перед моим взором.

Дело в другом — просто если бы я охотился на самого себя, то поставил бы здесь главную ловушку.

Вторая большая ловушка сейчас осталась наверху, в стенах усадьбы и над ними. В воздухе висит магический силовик, который поставили по меньшей мере три разных мага. Двое проделали свою работу тонко, почти незаметно. А третьим был маг огня.

Творить *незаметные* чары маги огня почти не умеют.

Не знаю, что делают те незримые крюки, рычаги и переключатели, которые прячут над стенами — сам-то я не маг, — но было бы глупо сунуться в замеченный медвежий капкан, просто чтобы проверить, как он работает.

«Мяч», — вдруг доходит до меня.

«На мяч были наложены чары, верно? — спрашиваю я ка'кари. — Почему ты не сказал мне об этом?»

~Ты уже большой мальчик, Кайлар. Я не стану все тебе разжевывать...~

Вот что *любопытного* было в том мяче, помимо того, что такая игрушка выглядела слишком дорогой для уличного парнишки. Мяч и был сигнальным огнем часового. Скорее всего, заведя меня, он должен был перекинуть его через стену.

Я пробираюсь через тесный туннель споро, но осторожно. Затем останавливаюсь у выхода — он скрыт в тени большой каменной глыбы, приваленной к стене дворовой пристройки, и зарос высокой травой. Взрослому человеку через эту дыру не пролезть, она слишком узкая. Даже мальчишка едва протиснулся.

Хорошо. Значит, туннель — это никакой не тайный ход из усадьбы. А лорд Рефа'им, возможно, даже не знает о его существовании.

Но есть и плохие новости: про дыру знают дворовые собаки, и каждая сочла своим долгом пометить здесь территорию и нагадить.

Я слышу далекие удары в дверь, затем голос мальчика; он говорит громко, даже кричит.

Мне нужно спешить.

Я голыми руками раскапываю землю, чтобы сделать проем шире. Ка'кари мог бы помочь мне с этим, но он молчит, а я не стану его умолять. Еще ка'кари мог бы чарами приглушить вонь свежего собачьего дерьма, в которое мальчик сначала наступил, а затем, пробираясь по туннелю, всюду размазал. Но он не делает и этого.

Ну почему работа всегда заводит меня то в канализацию, то на отвесные скалы высотой в тысячу шагов? Почему мне ни разу не довелось побывать на увеселительной морской прогулке, в окружении красавиц, где наливали бы дорогую выпивку и играли камерную музыку?

Я вылезаю и осторожно обхожу собачьи кучки. Мое тело не источает никаких запахов, но какой от этого прок, если от меня будет разить тем, во что я наступил. Учитель всегда твердил, что именно такие мелкие промахи и губят мокрушников.

Впрочем, он остерегался и больших промахов. И средних. А половина его опасений вообще казались мне выдуманными.

В нашем горьком промысле легко стать параноиком.

Я скольжу от одной тени к другой, удаляясь от выхода из туннеля. Подумываю о том, чтобы вскарабкаться на крышу низенькой пристройки, но, решив, что кто-нибудь заметит мой силуэт, остаюсь на земле и быстро достаю из запячного мешка лук. Я упираю нижнее плечо в землю, сдвигаю петлю тетивы на пропилы, встаю между луком и тетивой, сгибаю лук и накидываю вторую петлю на верхнее плечо. Нащупываю стрелы, затем достаю одну, с широким, плоским душипным наконечником, и кладу ее на тетиву.

Попасть в мальчишку нетрудно. Он всего в двадцати шагах от меня и только что прекратил колотить в дверь, поскольку к нему с криками и обнаженными клинками выбежали наемники. Неуклюже придерживая свой драгоценный мячик под мышкой, мальчик поднимает руки, показывая, что он сдается.

Нужно действовать сейчас, пока они не окружили его. Я не просто так выбрал стрелу с широким наконечником — видите ли, если выстрелить просто в туловище, то хвост стрелы укажет в сторону, где притаился стрелок.

Я же задумал кое-что посложнее. Если получится задеть шею парнишки широким лезвием наконечника, то стрела пролетит дальше и исчезнет во тьме. Она просвистит по воздуху, из артерии брызнет фонтан крови, и мальчик рухнет наземь, не успев усложнить мне дело, а наемники даже не поймут, откуда прилетела его смерть.

Я назвал ему цену. Я дал ему выбор. Он сам выбрал гибель.

Я притягиваю тетиву к губам. Ветра нет. При виде приближающихся наемников мальчик застыл от страха и не шевелится. Попасть будет легко.

Не знаю, стреляли вы когда-нибудь из рекурсивного лука или нет, но вот что я скажу: его очень сложно удерживать растянутым. Однако я держу.

Ведь он ребенок.

Ребенок, который защищает чудовище. Допустимая потеря.

Я вспоминаю графа Дрейка. Я записываю все это для него, надиктовываю каждое слово моему ка'кари. Граф бы ни за что не стал просить меня выйти на это дело. Он бы сказал, что я подвергаю опасности мою душу. Он бы спросил, уверен ли я в том, что совершаю это ради справедливости.

Да, уверен.

Но разве я смогу посмотреть ему в глаза и сказать, что я убил ребенка?

Я бы мог оправдать себя тем, что во время войны дети гибнут постоянно и что наша война на самом деле еще не закончилась, *не может* закончиться, пока не восторжествует справедливость.

Один стражник, огромный верзила, вот-вот выбежит вперед. Через два мгновения он заслонит собой мальчика.

Через одно.

Я медленно отступаю. Опускаю лук, так и не выстрелив. Изрыгаю беззвучное проклятие, снимаю тетиву и убираю оружие.

Дверь отворяется, и во двор выходит мужчина в дорогих одеждах. Я сдвигаюсь в сторону и сразу же теряю его из виду. До меня доносятся лишь обрывки разговора, вопросы, ответы. Я мельком замечаю, как кто-то яростно жестикулирует. Вышедший мужчина — явно главный среди них — допрашивает остальных.

Нет, стражники не видели условленного сигнала. Тогда почему подняли шум?

Нет, они не знают, кто этот паренек, но их только что наняли, и они вообще почти никого здесь не знают.

Затем, стоит мне подобраться настолько близко, что теперь я отчетливо слышу каждое слово, тон голоса главного меняется. Одной рукой он хватает мальчика за грудки; в другой держит мяч.

— Ты хочешь сказать, что ночной ангел *говорил* с тобой? И ты не подал нам сигнал?!

Стражники переглядываются, некоторые явно преисполнены сомнениями, другие — внезапным страхом.

Едва главный отпускает мальчика, на его голом скальпе вспыхивают красные символы.